

JOANNA PIOTROWSKA
Uniwersytet Warszawski

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ О ЗАВЕЩАНИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

С конца 1870-х гг. Лев Толстой начинает пользоваться в польском обществе «наибольшей среди всех русских писателей популярностью»¹. По словам Францишека Селицкого, «польская интеллигенция уже не сводила глаз с русского титана, который раз за разом удивлял Россию и мир своими произведениями»². Толстого активно переводят на польский и публикуют (в журналах и отдельными изданиями), о нем и его творчестве пишут в польской прессе³. Пик внимания прессы к Толстому приходится на 1910 г. в связи с взволновавшим весь мир уходом из Ясной Поляны и вскоре за этим последовавшей смертью писателя⁴. Одним из следствий толстовской известности становится интерес к нему не только серьезной, но также юмористической — русской и польской — периодики.

Популярные в начале XX в. русские юмористические журналы, в их числе возникший в 1908 г. «Сатирикон»⁵ и один из «ветеранов русской юмористики»⁶ — «Будильник», выходив-

¹ F. Sielicki, *Lew Tolstoj w polskiej krytyce literackiej lat 1918–1939*, «Slavia Orientalis» 1960, № 1, с. 33. Здесь и далее перевод наш — J.P.

² Там же.

³ Подробнее см.: P. Grzegorzczak, *Lew Tolstoj w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki*, PIW, Warszawa 1964.

⁴ Подробнее см.: Б. Мейлах, *Уход и смерть Льва Толстого*, изд. 2-е, Художественная литература, Москва 1979; W. Nickell, *The Death of Tolstoy. Russia on the Eve, Astapovo Station, 1910*, Cornell University Press, Ithaca, New York 2010.

⁵ Подробнее об этом журнале см.: Л.А. Евстигнеева, *Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы*, Наука, Москва 1968.

⁶ Л.А. Спиридонова (Евстигнеева), *Русская сатирическая литература начала XX века*, Наука, Москва 1977, с. 88.

ший (с перерывами) с 1860-х гг., оперативно реагируют на уход, а затем смерть Толстого. Указанные события освещаются также в юмористических изданиях, выходивших в Царстве Польском. Это относится как к журналам «Mucha» (Муха) и «Kolce» (Шипы), которые издавались в Варшаве с 1870-х гг. и к 1910 году имели сложившуюся репутацию⁷, так и к сравнительно новым варшавским изданиям типа «Szczutek» (Щелчок; с 1907 года — «Nowy Szczutek»)⁸. «Szczutek» был основан в 1906 г. на волне всплеска польской юмористической периодики в период революции 1905–1907 гг.⁹

Существенное место в посмертных публикациях, посвященных Толстому¹⁰, в русской и польской юмористической периоди-

⁷ Журнал «Mucha», издававшийся — с перерывами — в 1871–1939 гг., был самым популярным юмористическим изданием в Царстве Польском (в 1909 г. тираж этого журнала составлял 8500 экземпляров). Его главным конкурентом был журнал «Kolce», выходивший в 1871–1904 и в 1908–1914 гг. Подробнее об этих журналах см.: Z. Kmiecik, *Prasa polska w Królestwie Polskim i Imperium Rosyjskim w latach 1865–1904* // J. Łojek (ред.), *Historia prasy polskiej*, т. 2, PWN, Warszawa 1976, с. 51; того же, *Prasa polska w zaborze rosyjskim w latach 1905–1915* // J. Łojek (ред.), *Historia prasy...*, с. 88; T. Tyszkiewicz, *Mucha* // J. Krzyżanowski, Cz. Hernas и др. (ред.), *Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny*, т. 1, PWN, Warszawa 1984, с. 696–697; той же, *Kolce. Tygodnik humorystyczno-satyryczny ilustrowany* // J. Krzyżanowski, Cz. Hernas и др. (ред.), *Literatura polska. Przewodnik...*, с. 457.

⁸ Подробнее об этом журнале см.: Н. Wojtysiak, *Jednodniówki jako osobliwy rodzaj wydawnictw ciągłych*, «Biuletyn EBIB» 2012, № 2 (129), с. 8–9, http://www.ebib.pl/images/numery/129/129_wojtysiak.pdf (14.03.2016).

⁹ См.: Z. Kmiecik, *Prasa polska w zaborze rosyjskim...*, с. 88.

¹⁰ После 7 ноября и до конца 1910 г. было напечатано как минимум 11 публикаций в «Сатириконе» (13 ноября — № 46, с. 1, 7, 20 ноября — № 47, с. 1, 3–4, 5, 27 ноября — № 48, с. 1) 4 декабря — № 49, с. 2, 6, 18 декабря — № 51, с. 1, 25 декабря — № 52, с. 6) и 7 в «Будильнике» (14 ноября — № 46, с. 1, 8–9, 21 ноября — № 47, с. 4, 28 ноября — № 48, с. 1, 4, 5, 5 декабря — № 49, с. 5). В свою очередь в журнале «Kolce» появилось 6 публикаций (26 / 13 ноября — № 48, с. 2, 2 декабря / 19 ноября — № 49, с. 7, 9 декабря / 26 ноября — № 50, с. 3, 6, 7, 9), в журнале «Mucha» — 4 (25 / 12 ноября — № 48, с. 2, 3, 9 декабря / 26 ноября — № 50, с. 2, 5), а в журнале «Nowy Szczutek» — 15 (26 / 13 ноября — № 39, с. 2, 6, 8, 3 декабря / 20 ноября — № 40, с. 4, 6, 8, 10 декабря / 27 ноября — № 41, с. 8, 17 / 4 декабря — № 42, с. 6, 7). Для сравнения, между 28 октября и 7 ноября 1910 г. в «Будильнике» не была напечатана ни одна публикация, посвященная Толстому, а в «Сатириконе» — всего одна (6 ноября — № 45, с. 10). В указанный период число публикаций в польских журналах было следующим: в журнале «Kolce» — одна (19 / 6 ноября — № 47, с. 2), в журнале «Nowy Szczutek» — две (19 / 6 ноября — № 38, с. 4, 8). В журнале «Mucha» после ухода, но перед смертью Толстого не появилась ни одна посвященная ему публикация.

ке занимала «семейная тема», в частности — события, связанные с последней волей и наследством писателя.

Напомним, что 16 ноября 1910 г. завещание Толстого, составленное им 22 июля 1910 г. втайне от семьи (о нем знала только младшая дочь писателя Александра), по решению суда вступило в силу¹¹. Таким образом толстовское литературное наследие стало собственностью Александры Львовны¹². В соответствии с волеизъявлением Толстого, его произведения в итоге должны были перейти в общее пользование, а яснополянскую землю (по закону полагающуюся жене и сыновьям) следовало передать крестьянам¹³.

В тот день, когда завещание вступило в силу, в газете «Новое время»¹⁴ было опубликовано открытое письмо Льва Львовича

¹¹ Это было шестое по счету и первое, составленное в соответствии со всеми формальными требованиями, завещание Толстого. Оно было подписано Толстым в лесу недалеко от деревни Грумант в присутствии трех свидетелей — Александра Борисовича Гольденвейзера, Алексея Петровича Сергеенко и Анатолия Дионисиевича Радынского. Текст завещания и объяснительную записку к нему см.: Л.Н. Толстой, *Полное собрание сочинений в 90 т.*, т. 82, Художественная литература, Москва 1956, с. 227–231. О последнем завещании Толстого см. подробнее: Ю.Д. Ядовкер, *К истории исполнения завещания Л.Н. Толстого (1911–1914 гг.)* // В.Б. Ремизов (ред.), *Толстовский ежегодник-2001*, Власта, Москва 2001, с. 453–472.

¹² Укажем, что к 1910 г. в живых оставалось семеро из тринадцати детей Толстого: Сергей (1863–1947), Татьяна (1864–1950), Илья (1866–1933), Лев (1869–1945), Андрей (1877–1916), Михаил (1879–1944) и Александра (1884–1979). В семейном конфликте дочь Александра безоговорочно была на стороне отца, а сын Лев — на стороне матери. О детях Толстого подробнее см.: С.М. Толстой, *Дети Толстого*, пер. с франц. А.Н. Полосиной, Приокское книжное издательство, Тула 1994.

¹³ См.: Ю.Д. Ядовкер, *К истории исполнения...*, с. 460–462. Впоследствии в своих воспоминаниях Александра Толстая писала: «1911–1913 годы. — Выполнение завещания отца: издание его неизданных сочинений [речь идет о *Посмертных художественных произведениях Толстого* в трех томах — J.P.], покупка земли у братьев и наделение ею крестьян, передача прав на сочинения отца в общее пользование». А.Л. Толстая, *Отец. Жизнь Льва Толстого*, Книга, Москва 1989, с. 478.

¹⁴ Напомним, что «Новое время» (Санкт-Петербург–Петроград, 1868–1917) благодаря руководству Алексея Суворина стало «самой влиятельной русской газетой». Это издание многими считалось беспринципным (Светлана Махонина указывает, что оппозиционные круги называли «Новое время» газетой «министерской», рупором правительства, неофициальным официозом»). Также газета обвинялась в антисемитизме и ксенофобии. С.Я. Махонина, *История русской журналистики начала XX века. Учебно-методический комплект*, Флинта, Наука, Москва 2009, с. 83–92.

Толстого — «единственного из детей Толстого[,] избравшего профессию литератора»¹⁵ и в 1909–1910 гг. обучавшегося скульптуре в Париже¹⁶. Лев Львович возлагал ответственность за смерть отца на Владимира Черткова. Не случайно оно называлось *Кто виновник*. Толстой-младший писал:

[...] прямым и единственным виновником тяжелой душевной драмы, поведшей за собою печальный конец моего отца, его нечеловеческих страданий, является не кто иной, как В.Г. Чертков [...].

Он вовлек его в тайные поступки, несвойственные природе отца, — поступки, вызвавшие тяжелые внутренние муки отца и борьбу, разлучившие его внутренне и внешне с семьей и закончившиеся кошмаром.

На одного Черткова поэтому падает вина преждевременной смерти отца, на его тщеславное, безграничное, одностороннее и неумное влияние, под которым жил последние годы своей жизни, а особенно месяцы, мой старей, бедный отец, и будущее докажет это. [...]

Как гордый сын отца моего и исключительной по достоинствам, самоотверженной матери моей, больной, разбитой незаслуженными страданиями и горем, как граф Толстой, потомок тех же родовых русских семей, из которых мы вышли, считаю долгом моим еще раз повторить, смело и открыто, что я считаю В.Г. Черткова злейшим врагом отца моего, как живого человека, злейшим врагом всего русского образованного общества и всего цивилизованного мира, хотя, может быть, и невольным.

Он отнял у нас Толстого. [...] Уверен, что все добрые, правдивые, честные люди понимают чистые чувства мои¹⁷.

Это письмо вызвало настоящий скандал. Оно было раскритиковано не только прессой¹⁸ — против заявлений Льва Львовича

¹⁵ В.Н. Абросимова, *Толстой Лев Львович* // Н.И. Бурнашева (ред.), *Лев Толстой и его современники. Энциклопедия*, Парад, Москва 2010, с. 530.

¹⁶ По словам Валерии Абросимовой, знатока биографии Льва Львовича Толстого, «имя, данное родителями на счастье, в реальной жизни стало источником недоразумений, горестей, обид» (там же, с. 530). Лев Львович поначалу буквально шел по следам отца (рано обнаружившееся литературное дарование, незаконченный университет, оказание помощи голодающим крестьянам в 1891 г.), но потом наступил резкий поворот в их отношениях, вызванный желанием сына завоевать свое место в литературе. Льва Львовича постоянно сравнивали с отцом — и поэтому его произведения, хоть и были замечены критикой, никогда не принесли ему успеха. См.: там же, с. 530–532. О сыне Толстого см. также: П.В. Басинский, *Лев в тени Льва*, АСТ, Москва 2015.

¹⁷ Гр. Л.Л. Толстой, *Кто виновник*, «Новое время» 1910, № 12458 (16 ноября), с. 4.

¹⁸ Например, влиятельная информационная газета «Русское слово» писала: «Л.Л. Толстой думает, что ему удалось открыть трагедию его великого отца. Но эта трагедия, конечно, много сложнее, чем кажется Л.Л. Толстому, и объяснять ее одним влиянием В.Г. Черткова — это значит умалять ее значение

ча выступили его ближайшие родственники: Илья¹⁹, Сергей²⁰, Александр²¹ и Татьяна²². Несмотря на это, 20 ноября 1910 г. в «Новом времени» было опубликовано второе открытое письмо Льва Львовича под заголовком *Правда во имя его*, пафос которого был аналогичен предыдущему письму. Но если в первом письме сын Толстого констатировал факты и лишь намекал на

и дать лишний раз подтверждение тому, что великие люди обыкновенно остаются непонятыми своими близкими». [Б.п.], *Письмо Л.Л. Толстого*, «Русское слово» 1910, № 265 (17 ноября), с. 3.

¹⁹ В телеграмме от 17 ноября 1910 г., отправленной в «Русское слово», Илья Толстой писал: «Прочтя в 'Русском слове' перепечатанное из 'Нового времени' письмо брата моего Льва Львовича о том, кто виноват в душевной драме моего отца Льва Николаевича, считаю себя обязанным печатно заявить, что, по моему мнению, узкое и пристрастное толкование значения Черткова умаляет величие памяти моего отца. *Илья Толстой*», *И.Л. Толстой по поводу письма брата*, «Русское слово» 1910, № 266 (18 ноября), с. 3.

²⁰ Сергей Толстой писал редактору «Русского слова» следующее: «Очень прошу вас через посредство вашей газеты огласить, что я не возражаю на глубоко огорчившее меня письмо моего брата Льва Львовича Толстого о влиянии В.Г. Черткова на нашего отца лишь потому, что полемику с ним по этому вопросу я считаю недопустимой. Граф Сергей Львович Толстой. Москва, 18-го ноября 1910 г. P.S. Прошу газеты, напечатавшие письмо моего брата, напечатать также и мое письмо», *Граф С.Л. Толстой по поводу письма брата*, «Русское слово» 1910, № 267 (19 ноября), с. 3.

²¹ В «Русском слове» было напечатано следующее письмо Александры Толстой: «Только нездоровье помешало мне раньше высказаться по поводу письма брата моего Льва Львовича Толстого под заглавием *Кто виновник*. Вполне присоединяясь к высказанному по этому поводу братьями моими Сергеем и Ильей Львовичами мнению, я считаю нужным прибавить к этому еще следующее: Не говоря о том, что приписывание моим братом Львом Львовичем В.Г. Черткову подобного влияния на моего отца есть оскорбление памяти Льва Николаевича и умаление великого и глубокого значения последнего его поступка — ухода из Ясной Поляны, вызванного сложными душевными причинами и побуждениями, о которых нахожу лишним распространяться, я считаю обвинения брата Льва Львовича по отношению к лучшему другу моего отца, беззаветно преданному ему и его делу, совершенно несправедливыми и незаслуженными. Александра Толстая. 21-го ноября 1910 года. Ясенки, Тульской губ», *Александра Львовна о письме Л.Л. Толстого*, «Русское слово» 1910, № 271 (24 ноября), с. 4.

²² Корреспондент «Русского слова» сообщал, что «Татьяна Львовна [Сухотина-Толстая — J.P.] просила и уполномочила меня заявить в печати от ее имени, что она присоединяется к мнению братьев Сергея и Ильи Львовичей и сестры Александры Львовны, заявивших о своей несолидарности с выступлением Льва Львовича. Это выступление ее огорчило». [Б.п.], *В Ясной Поляне (По телеграфу от нашего специального корреспондента)*, «Русское слово» 1910, № 276 (30 ноября), с. 3.

тайно составленное завещание, то теперь он напрямую обвинял Черткова в том, что тот фактически заставил отца скрыть от ближайших родственников свою последнюю волю (в письме впервые появилось слово «завещание»):

Обвиняю Черткова в том, что он вовлек отца в тяжелую внутреннюю борьбу, в умалчивание о завещании от самых близких ему людей, — тогда как сам завещатель хотел объявить им о своем намерении, что привело отца к страшным душевным страданиям и преждевременной смерти²³.

В этом письме, как и в предыдущем, автор подчеркивал, что руководствовался самыми высокими и благими намерениями: сказать правду об истинной ситуации, сложившейся в доме Толстых. При этом он вовсе не собирался оспаривать отцовское завещание²⁴.

Русские юмористические издания быстро отреагировали на письма Льва-младшего. 27 ноября 1910 г. на обложке журнала «Сатирикон» (№ 48) была помещена карикатура *На великой могиле* (см. рисунок № 1). Иллюстрацию Ре-Ми (псевдоним Николая Ремизова-Васильева) сопровождал следующий текст:

Лев Львович Толстой: — Я объяснюсь! Г-н Меньшиков, вы уж меня поддержите. Ах, как трудно быть сыном Льва Толстого. Ах, как еще трудно-то! Писал великий человек, писал, смотрим — и что же в результате!.. фью... другим все... А хотел ли этого «гордый сын своего отца» — он и не спросил!

Я часто, по дружбе, предупреждал графа: — «Мой бедный, старый отец... ты 'потомок родовых русских семей', у тебя талант и, вдруг, — ты возишься с какими-то Сютаевыми, Чертковыми!.. И эта ужасная серая блуза... Не надо этого, мой бедный старый отец-граф. Не слушался — и вот результат плохой компании. Смерть на какой-то жалкой станции, жалкие похороны — ни музыки, ни представителей древней русской аристократии... ужасно! [»]

В качестве эпиграфа (и одновременно «инспирации» для этого текста) был использован характерный фрагмент из второго открытого письма Льва Львовича: «Обвиняю Черткова в том,

²³ Гр. Л.Л. Толстой, *Правда во имя его*, «Новое время» 1910, № 12462 (20 ноября), с. 4.

²⁴ В следующем открытом письме от 26 ноября 1910 г. он, помимо прочего, писал: «Заявляю, что [...] к П.А. Столыпину с запиской о признании недействительности завещания отца я не обращался, что лично я рад распоряжению отца относительно его сочинений (хотя бесконечно страдаю за него, зная, какой дорогой ценой оно ему досталось), что я не хотел и не хочу оспаривать завещание [...]». *Письмо гр. Льва Львовича Толстого*, «Русское слово» 1910, № 275 (28 ноября), с. 5.

что он вовлек отца в тяжелую внутреннюю борьбу, в умалчивание о завещании от самых близких ему людей».

В центре изображения утрированный портрет сына Толстого, разглагольствующего, сидя на могиле в вальяжной позе. Доведенное до абсурда поведение Льва Львовича противоречит его внешнему, подчеркнуто европейскому и аристократичному, облику²⁵. Обращает на себя внимание не только его европейское платье (в то время Толстой-младший — парижский житель), но также сходство его лица с отцовским (сам Лев Львович указывал: «Физически я был больше похож на мать, чем на отца. [...] Форма же моей головы была отцовской, единственная из всех детей»²⁶). Близость отца и сына отмечена и другим способом: венок с могилы Толстого представлен как лавровый венок над головой Льва Львовича.

Если в изобразительной карикатуре педалированы литературные амбиции Толстого-младшего, то в карикатуре словесной, являющей собой собственно «надгробную речь» сына и апеллирующей к его открытым письмам²⁷, акценты расставлены несколько иначе. В ней на первый план выдвинута меркантильность Льва Львовича, но, как и на иллюстрации, обыгрывается также его «европейскость» и аристократическая «гордость», унаследованная, по его собственным словам, «от отцовской линии»²⁸.

Мотив «европейскости» сына Толстого всплывает также в связи с Михаилом Меньшиковым, ведущим публицистом газеты «Новое время», напечатавшей открытые письма. В сло-

²⁵ 22 июня 1898 г. Лев Толстой сделал характерную помету в дневнике, упоминая о разговоре с сыном в связи с выходом его повести *Прелюдия Шопена*, полемичной по отношению к *Крейцеровой сонате*: «Я сказал ему [Льву Львовичу — J.P.] больно, что как раз *некультурно* [выделено Толстым — J.P.] (его любимое) то, что он сделал, не говоря о том, что глупо и бездарно» (Л.Н. Толстой, *Полное собрание...*, т. 53, Государственное издательство художественной литературы, Москва 1953, с. 199). Сергей Михайлович Толстой, племянник Льва Львовича, впоследствии вспоминал: «Он [Лев Львович Толстой — J.P.] приближался к своему шестидесятилетию, но был худой, сильный, элегантный, походка гибкая и легкая» (С.М. Толстой, *Дети...*, с. 135).

²⁶ Цит. по: [Б.п.], *Лев Львович Толстой // Лев Толстой. Жизнь. Семья. Дети*, <http://tolstoy.ru/life/family/children/lev-lvovich-tolstoy/> (14.03.2016).

²⁷ В «надгробной речи» в несколько измененной форме использованы характерные выражения из нашумевших выступлений Льва Львовича Толстого в печати, в частности, из первого письма («мой старый, бедный отец», «гордый сын отца моего», «потомок [...] родовых русских семей»).

²⁸ Цит. по: [Б.п.], *Лев Львович...*, <http://tolstoy.ru/life/family/children/lev-lvovich-tolstoy/> (14.03.2016).

весной карикатуре Меньшиков изображен единомышленником Толстого-младшего, разделяющим оценку деятельности Льва Николаевича в поздний период («Г-н Меньшиков, вы уж меня поддержите»)²⁹, однако визуально они противопоставлены: одетый на русский манер в шубу консерватор Меньшиков контрастен щеголю-западнику³⁰.

На следующий день, 28 ноября 1910 г., на обложке «Будильника» (№ 48) также была помещена карикатура на сына Толстого под заголовком *Дороговато (к выступлениям Л.Л. Толстого)* (см. рисунок № 2). В подписи к иллюстрации³¹ — «Открытое письмо. Цена 3 коп.» — обыгрывались два значения выражения «открытое письмо», которое, как известно, означает также открытку. Таким образом подчеркивались низкие побуждения и лицемерность поведения сына Толстого, который сообщал якобы крайне существенную информацию не в закрытых, как следовало бы ожидать, а в открытых письмах.

Изобразительная карикатура в определенной степени переключалась с опубликованной днем раньше в «Сатириконе». Она намекала на литературные занятия Льва Львовича. Кроме того, в изображении взбесившегося (что визуально подчеркивалось) сына Толстого было заметно портретное сходство с отцом. Но на иллюстрации в «Будильнике» отец и сын отчетливо сопоставлены по принципу контраста: Толстой-младший, сидящий за отцовским столом и строчащий безнравственные по содержанию письма, представлен как склочник, мелочный сын великого отца.

Эти смыслы актуализировались также в стихотворном тексте поэта Родиона Менделевича (1867–1927), помещенном в том же номере «Будильника» и озаглавленном характерной цитатой из первого письма Льва Львовича — «Гордый сын» (*По поводу писем Л.Л. Толстого*):

«Гордый сын» в лихом экстазе
Гнев доводит до конца:
Он кидает комья грязи

²⁹ Характерны в этом плане публицистические выступления Меньшикова после толстовского ухода: М. Меньшиков, *Урок молодежи*, «Новое время» 1910, № 12446 (4 ноября), с. 3; того же, *Выход из плена*, «Новое время» 1910, № 12448 (6 ноября), с. 4.

³⁰ В свое время Лев Львович характерным образом раскритиковал питание в родном доме — «русская варварская традиционная тяжелая еда» (цит. по: [Б.п.], *Лев Львович...*, <http://tolstoy.ru/life/family/children/lev-lvovich-tolstoy/> (14.03.2016)).

³¹ Ее автором был Дмитрий Орлов, пользовавшийся псевдонимом «Д. Моор».

В друга славного отца.
 Не смущен великой тенью,
 И клевет сплетая сеть, —
 Приступает к обвиненью
 Чтобы всюду прогреметь...
 Но... напрасно, право слово!
 Не из тучи этот гром:
 Никогда свет «Льва двойного»
 Не сравнить с «Великим Львом»!..³².

Стихотворение в некоторой степени является «коллажем»: в текст включены пассажи не только из первого письма Толстого-младшего, но также из обсуждений этого письма в печати³³ и публикаций о покойном писателе³⁴. Любопытно, что автор не ограничился критикой Льва Львовича, клеветника, руководствующегося низкими целями — «всюду прогреметь», заявить о себе, снискать славу за счет распространения ложных обвинений, но в несколько завуалированной форме использовал оскорбление в его адрес: стих «Не из тучи этот гром» отсылает к пословице «Гром гремит не из тучи, а из навозной кучи».

«Смягченные» и прямые оскорбления в адрес Льва Львовича встречаются также в других публикациях «Будильника» и «Сатириконе». В частности, речь идет о двух текстах, где обыгрывается имя покойного писателя и его сына — едкой шутке под заголовком *Ответа не надо!* («Вопрос: Когда лев бывает свиньей?»³⁵) и стихотворном тексте *Игра природы*:

О, Природа, как ребенок,
 Ты капризна и резва...
 Как у царственного Льва
 Мог родиться поросенок?..³⁶.

³² Р. Мал. [Р.А. Менделевич], «Гордый сын» (*По поводу писем Л.Л. Толстого*), «Будильник» 1910, № 48 (28 ноября), с. 4.

³³ Например, о письме сына Толстого как «первом коме грязи вокруг имени великого писателя» писало «Утро России»: «Обидно прежде всего видеть, что первый ком грязи вокруг имени великого писателя, смертью принужденного 'молчать', брошен сыном, к которому, по сознанию самого Л.Л. Толстого, покойный питал отеческую любовь». А.Л., *Неприличное выступление*, «Утро России» 1910, № 302 (17 ноября), с. 2.

³⁴ Так, например, характеристику «великая тень» применительно к покойному Толстому неоднократно использовал Владимир Короленко в фельетоне, опубликованном в «Русских ведомостях». См.: В. Короленко, *9-е ноября 1910*, «Русские ведомости» 1910, № 263 (14 ноября), с. 3–4.

³⁵ [Б.п.], *Ответа не надо!*, «Будильник» 1910, № 48 (28 ноября), с. 5.

³⁶ Красный [К.М. Антипов], *Игра природы*, «Сатирикон» 1910, № 49 (4 декабря), с. 6.

Среди указанных польских юмористических изданий только лишь журнал «Nowy Szczutek» отреагировал на поведение сына Толстого. Так, 3 декабря (20 ноября)³⁷ 1910 г. здесь была опубликована карикатура под заголовком *Ojciec i syn* (*Отец и сын*; см. рисунок № 3). Изображение сопровождалось текстом: «*Hrabia Tolstoj-syn: — Kożuch i buty! Pamiętka po moim ojcu! Kto da więcej?!!!*» [«*Граф Толстой-сын: — Шуба и сапоги! Память о моем отце! Кто даст больше?!!!*»]³⁸.

В отличие от русских журналов, на польской изобразительной карикатуре Толстой и его сын внешне четко противопоставлены: типично русской одежде отца (шуба, но хорошего качества) противостоит европейская одежда сына. Элемент портретного сходства, существенный в русских журналах, здесь отсутствует, и это отсутствие значимо: таким образом подчеркивается, что между отцом и сыном нет ничего общего.

В поведении Льва Львовича польский журнал акцентировал прагматичность и меркантильность. Не случайно текст, сопровождавший иллюстрацию, обыгрывает ситуацию аукциона: сын Толстого относится к личным вещам отца, великого, чтимого многими человека, прагматично, торгует ими, как маклер.

Поведению Толстого-младшего был посвящен также анекдотический текст, опубликованный в одном из последующих номеров журнала «Nowy Szczutek»:

— Syn Tolstoja usiłował koniecznie obalić testament ojca.
— I cóż się stało?
— Nastąpiło odwrócenie stosunku stron: Tolstoj nie obalił testamentu ojca, ale za to testament ojca obalił Tolstoja³⁹.

— Сын Толстого силился непременно отменить завещание отца.
— И что же произошло?
— Случилось обратное в отношениях сторон: не Толстой отменил завещание отца, но завещание отца отменило⁴⁰ Толстого.

В этом тексте поступки не названного по имени сына Толстого интерпретируются как попытка опровергнуть завещание, но и сама ситуация с завещанием представлена как необычная

³⁷ Польские журналы указывали даты по новому стилю. В случае польских изданий мы даем двойную датировку — по новому и старому стилю.

³⁸ [В.п.], *Ojciec i syn*, «Nowy Szczutek» 1910, № 40 (3 grudnia/20 listopada), с. 4.

³⁹ [В.п.], *Odwrócony stosunek*, «Nowy Szczutek» 1910, № 42 (17 grudnia/4 grudnia), с. 7.

⁴⁰ Польский глагол «obalić» имеет также значение «ниспровергнуть».

(сын оказался невключенным в завещание отца). При этом, как и в предыдущей публикации, педалировалась материальная сторона описываемых событий.

Параллельно с нашумевшими письмами Льва Львовича Толстого русская пресса публикует разнообразные новости о судьбе Ясной Поляны⁴¹. Так, например, 1 декабря 1910 г. в одной из ведущих информационных газет России — «Русском слове»⁴² — приводилось высказывание самой Софьи Андреевны Толстой о планах относительно толстовского имения:

— Ясная Поляна разделена на две части; одна часть, с усадьбой и могилой, принадлежит сыновьям. В этой части земли около 350 десятин. Вторая часть принадлежит мне. В ней флигель, так называемый «дом Кузминских», и около 500 десятин земли. Свою часть продавать я не намерена⁴³.

⁴¹ См., например, отрывки из некоторых телеграмм, напечатанных в газете «Русское слово»: «Заведывание имением графиня [Софья Толстая — J.P.] предоставляет детям. В свое распоряжение она берет лишь небольшую часть сада, где находится пчельник» — [Б.п.], *В Ясной Поляне (По телеграфу от нашего корреспондента)*, «Русское слово» 1910, № 274 (27 ноября), с. 3; «Графиня Софья Андреевна сообщила мне, что половина Ясной Поляны с усадьбой и могилой Льва Николаевича принадлежит ее сыновьям, и что они согласны ее продать, но только в национальную собственность» — [Б.п.], *В Ясной Поляне (По телеграфу от нашего специального корреспондента)*, «Русское слово» 1910, № 276 (30 ноября), с. 3.

⁴² Напомним, что «Русское слово» (Москва, 1894–1918; в 1918 г. (№ 1–44) газета издавалась под названием «Новое слово») было, по утверждению Светланы Махониной, «самой читаемой и влиятельной [русской газетой — J.P.] вплоть до 1918 г.». Инициатором издания газеты был Иван Сытин (формально издателем он был с 1897 г.). «Русское слово» начало пользоваться особым успехом у читателей, когда редактором стал Влас Дорошевич. По словам Махониной, Дорошевич «создал практически первую в стране информационную газету европейского типа». Он расширил корреспондентскую сеть как в стране, так и за рубежом, стал сотрудничать с европейскими газетами, которые, наряду с корреспондентами, доставляли «Русскому слову» информацию о событиях вне России. В «идеологическом» плане «Русское слово» сближалось с «Новым временем»: газета «'правела' или 'левела' в зависимости от обстоятельств». С.Я. Махонина, *История русской журналистики...*, с. 92–99. См. также: В.Н. Булгакова (отв. ред.), *Газетный мир России XIX — начала XX века в 2 т.*, т. 1, Пашков дом, Москва 2014, с. 33.

⁴³ В письмах Николаю II от 10 мая и 18 ноября 1911 г. жена Толстого предлагала приобрести Ясную Поляну в государственную собственность. Резолюция императора к второму письму гласила: «Нахожу покупку имения гр. Толстого правительством недопустимую. Совету министров обсудить только вопрос о размере могущей быть назначенной вдове пенсии». Цит. по: Ю.Д. Ядовкер,

Сыновья же хотят продать принадлежащую им землю, с усадьбой и могилой, в национальную собственность⁴⁴.

Хотят за нее [...] получить больше миллиона рублей.

Дом в Москве, в Хамовниках, с 2,040 кв. саженями земли также предполагается продать городу...

Купит ли город⁴⁵, — пока неизвестно...⁴⁶.

Слухи о предполагавшейся продаже Ясной Поляны также вызвали реакцию в юмористической периодике, но в данном случае количественное соотношение публикаций в указанных нами русских и польских журналах было другим.

Так, «Будильник» не поместил ни одной публикации по этой теме, а в «Сатириконе» появилась лишь одна. 18 декабря 1910 г. на обложке этого журнала (№ 51) была опубликована карикатура под заголовком *Ликвидация* (см. рисунок № 4)⁴⁷. В качестве эпиграфа и инспирировавшего карикатуриста текста был использован отрывок (немного отредактированный) из сообщения, приведенного в «Русском слове»⁴⁸. Под иллюстрацией был помещен следующий текст:

Сыновья Льва Толстого: — Скорей, скорей, спешите! Первый раз в России продается могила великого писателя земли русской! Все удобства, недалеко от железной дороги! Экономия — креста ремонтировать не надо. Местность сухая. Всего за миллион! Кто больше? Спешите, а то уйдет за границу. Только миллион... Кто больше?!!!

Изобразительная карикатура перекликалась с первой сатириконской карикатурой на Льва Львовича (*На великой могиле*): повторялся мотив свежей могилы Толстого и плясок (в данном случае — вокруг нее). В свою очередь словесная карик-

К истории исполнения..., с. 461.

⁴⁴ Известно, что сыновья Толстого (за исключением Сергея), надеясь получить за землю деньги, вели переговоры о продаже с богатыми американцами. Софья Толстая всеми силами пыталась избежать перехода яснополянской земли в руки иностранцев. См.: там же, с. 460–461.

⁴⁵ В ноябре 1911 г. Софья Толстая продала московскому городскому управлению дом в Хамовниках за 125 тысяч рублей. См.: В. Булгаков, *История дома Льва Толстого в Москве*, «Летописи Государственного Литературного музея» 1948, кн. 12, т. 2, с. 570.

⁴⁶ С. Спиро, *В Ясной Поляне (От нашего специального корреспондента)*, «Русское слово» 1910, № 277 (1 декабря), с. 3.

⁴⁷ Иллюстрация была подготовлена Алексеем Радаковым.

⁴⁸ Ср.: «Сыновья Л.Н. Толстого хотят продать принадлежащую им землю, с могилой и усадьбой в национальную собственность. Хотят за нее, по словам Софьи Андреевны, получить больше миллиона рублей (всего 350 десят.)».

катура, как прежде польская, обыгрывала продажу на аукционе (повторялась ключевая фраза: «Кто больше?»). Русский журнал, как ранее польский, акцентировал прагматизм и жадность сыновей Толстого, которые продают живой кусок истории, связанный с великим человеком, видя в нем лишь недвижимость.

Среди рассматриваемых нами варшавских журналов только «Nowy Szczytek» не отреагировал на известия о судьбе Ясной Поляны. В журналах «Kolce» и «Mucha» появились небольшие по объему анекдотические тексты, в которых, кроме сыновей Толстого, фигурировала также Софья Толстая.

В журнале «Kolce»:

— Czy też Tolstojowa sprzedałaby kurhan, w którym wielki starzec pochowany?
— Wątpię... chyba, żeby jej drogo zapłacili⁴⁹.

— Продала бы Толстая курган, в котором захоронен великий старец?
— Сомневаюсь... разве что ей бы дорого заплатили.

Moskwa. Synowie Tolstoja obalają gorliwie ustaloną przez naukę teorię dziedziczności. Mama jak może dopomaga⁵⁰.

Москва. Сыновья Толстого усердно опровергают установленную наукой теорию наследственности. Мама помогает, как может.

В журнале «Mucha»:

— Ciekawa rzecz, co się też stanie z Jasną Polaną?
— Co się ma stać? Zmienią jej nazwę na Ciemną Polaną i zamieszkają w niej synowie Tolstoja⁵¹.

— Интересное дело, что же станет с Ясной⁵² Поляной?
— А что должно стать?
Изменят ее название на Темную Поляну и в ней заживут сыновья Толстого.

Во всех приведенных текстах высмеивались жадность и низкие побуждения вдовы и сыновей Толстого. При этом, как и в случае изобразительной карикатуры в журнале «Nowy Szczytek»,

⁴⁹ [В.р.], *Zapewno*, «Kolce» 1910, № 50 (9 grudnia/26 listopada), с. 7.

⁵⁰ [В.р.], *Telegramy*, «Kolce» 1910, № 50 (9 grudnia/26 listopada), с. 9.

⁵¹ [В.р.], *Co się ma stać?*, «Mucha» 1910, № 50 (9 grudnia/26 listopada), с. 2.

⁵² Основное значение польского «jasny» — «светлый».

наследники четко противопоставлены Толстому — в данном случае по умственным и нравственным качествам («темные», безнравственные жена и дети великого мыслителя).

Но не только такого рода тексты появились в польских юмористических журналах. 9 декабря (26 ноября) 1910 г. в издании «Mucha» была напечатана (без подписи) довольно объемная драматическая сцена в стихах, озаглавленная *Mali synowie wielkiego ojca* (*Мелкие сыновья великого отца*). Действующие лица — граф Лев Толстой и граф Андрей Толстой — рассуждают, как обогатиться за счет оставшегося у них наследства. Не видя пользы от имеющегося у них «сора» (*śmieci*), телеграмм, не располагая отцовскими «рукописями, / Черновиками, записками или набросками» (*rękopisy, bruliony, notaty lub zagęsy*), ибо другие — Чертков и их собственная мать — «забрали уже до нас / Все, что имело какую-либо ценность»⁵³, они задумывают выгодно — за миллион рублей — продать имение сестре Александре, которой досталось самое ценное — литературное наследие. По продаже, граф Андрей планирует выплатить долги и вернуться в Париж, а граф Лев — выгодно инвестировать деньги, т.е. стать одним из владельцев «Нового времени».

В тексте имеются фактические ошибки и неточности⁵⁴, но в общей сложности их немного. Любопытно, что в качестве действующих лиц выведены лишь два сына Толстого, причем именно Лев⁵⁵ и Андрей, обладавший веселым нравом, имевший репутацию пьяницы и кутилы⁵⁶.

Анонимным автором осуждается корыстолюбие сыновей Толстого, но при этом неоднозначна и оценка поведения самого писателя. Показательна в этом плане реплика графа Андрея:

⁵³ Ср. в оригинале: «[...] zabrali już przed nami / Wszystko, co miało wartość jaką». [В.р.], *Mali synowie wielkiego ojca*, «Mucha» 1910, № 50 (9 grudnia/26 listopada), с. 5.

⁵⁴ Например, планы вернуться в Париж могли быть не у графа Андрея Толстого, но у графа Льва Толстого. Также, вопреки реплике графа Льва Толстого о том, что «ведь все-таки нас [т.е. детей Толстого — J.P.] одиннадцать», в 1910 г., как уже упоминалось, в живых было семеро детей Толстого.

⁵⁵ По словам Павла Басинского, Лев Львович не был причастен к попыткам братьев продать яснополянскую землю американцам: «К чести Льва Львовича, он в этом так и не состоявшемся предприятии не участвовал, а в письме матери назвал это 'химерой'». П.В. Басинский, *Лев в тени Льва...*, с. 471.

⁵⁶ Л.С. Дробат, *Толстой Андрей Львович* // Н.И. Бурнашева (ред.), *Лев Толстой...*, с. 523.

но, различия прослеживались только в акцентах: если русская пресса опускалась до прямых оскорблений, то в польской прессе критика в большей степени опиралась на общепринятые этические нормы.

Joanna Piotrowska

ROSYJSKIE I POLSKIE CZASOPISMA HUMORYSTYCZNE
O TESTAMENCIE LWA TOŁSTOJA

Streszczenie

W artykule zostały omówione publikacje dotyczące testamentu Lwa Tołstoja, które ukazały się wkrótce po jego śmierci w polskich („Mucha”, „Kolce”, „Nowy Szczytek”) i rosyjskich („Satirikon”, „Budilnik”) czasopismach humorystycznych. Publikacje te były poświęcone dwóm tematom — listom otwartym Lwa Lwowicza Tołstoja (syn pisarza oskarżał Władimira Czertkowa o śmierć ojca i ukrycie przed rodziną ostatniej wersji testamentu) oraz planom sprzedaży Jasnej Polany, o których donosiła prasa codzienna. Analiza publikacji pozwala zauważyć, że polskie czasopisma humorystyczne, podobnie jak rosyjskie, krytycznie, chociaż mniej dosadnie, oceniały zachowanie spadkobierców Tołstoja. Jednak w przeciwieństwie do rosyjskich periodyków polskie pisma wyraźnie przeciwstawiły pisarza jego merkantylnie zorientowanym synom i, co ciekawe, żonie. Niejednoznaczna była przy tym ocena samego testamentu.

Joanna Piotrowska

RUSSIAN AND POLISH HUMOR MAGAZINES
ON THE WILL OF LEO TOLSTOY

Summary

The article discusses publications concerning Leo Tolstoy's will, which appeared soon after his death in Polish (“Mucha”, “Kolce”, “Nowy Szczytek”) and Russian (“Satirikon”, “Budilnik”) humor magazines. These publications focused on two topics — open letters by Lev Lvovich Tolstoy (the son of the writer accused Vladimir Chertkov of the death of his father and concealing the last version of the will from Tolstoy's family) and plans for selling Yasnaya Polyana, which were described in the daily press. An analysis of publications shows that Polish humor magazines, like the Russian ones, judged the heir to Tolstoy's property critically, but the criticism of Polish press was not as harsh. However, unlike Russian magazines, Polish periodicals clearly compared the writer with his mercantile sons and — which is interesting — with his wife. At the same time Polish opinion of the will as such was ambiguous.

ПРИЛОЖЕНИЕ:
ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ ЖУРНАЛОВ
«САТИРИКОН», «БУДИЛЬНИК» И «NOWY SZCZUTEK»

Рисунок № 1: На великой могиле,
рис. Ре-Ми [Н. Ремизов-Васильев] («Сатирикон» 1910, № 48)

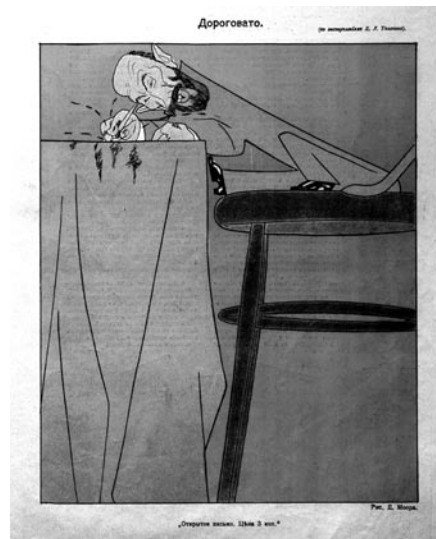

Рисунок № 2: Дороговато (к выступлениям Л.Л. Толстого),
рис. Д. Моор [Д. Орлов] («Будильник» 1910, № 48)

Рисунок № 3: Ојсіє і сын, рис. неизв. автора
(«Nowy Szczutek» 1910, № 40)

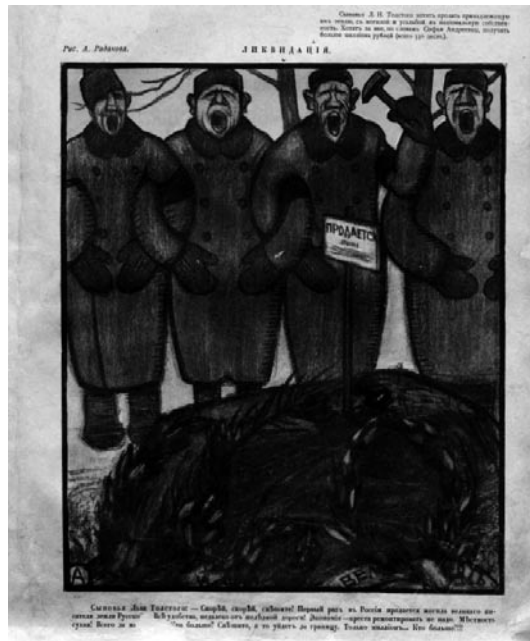

Рисунок № 4: Ликвидация, рис. А. Радакова
(«Сатирикон» 1910, № 51)